

**Новое исследование
по истории духовной жизни России XVII в.
(Т.А. Опарина. Иван Наседка
и полемическое богословие киевской митрополии.
Новосибирск, «Наука», 1998)**

Д.Ф. Полознев

Монографические исследования по истории духовной жизни России XVII в. – явление не частое в нашей историографии. При всем обилии публикаций источников и статей, посвященных разным периодам и темам истории этого столетия, выход монографий остается важнейшим этапом осмысления накопленного наукой материала¹.

Работа Т.А. Опариной ставит проблемы взаимодействия богословских традиций православных славянских стран, рассматривает восприятие культурного окружения русскими духовными властями и книжниками первой половины XVII в., описывает их оценку Реформации, Контрреформации, Брестской унии 1596 г., касается отношений русских церковных деятелей с единоверцами киевской митрополии и восточных церквей. Важное место занимает анализ русской богословской мысли на примерах антикатолической, антипротестантской и антиуниатской литературы. Особое значение в исследовании имеет реконструкция рукописной предыстории печатных кодексов «Кирилловой книги» и «Книги о вере». Во введении обрисована общая картина состояния политических и конфессиональных отношений на пограничных территориях России, Украины и Белоруссии. Поставлена и обоснована тема исследования: культурное взаимодействие украинско-белорусского и русского духовного наследия в первой половине XVII в. Принятие западнорусскими землями Брестской унии, а еще раньше согласие на унию с Римом константинопольской церкви определило взгляд русских книжников на восточное православие как на поврежденное от латин. Автором последовательно на конкретных примерах рассматривается картина изменений взглядов наиболее образованной части тогдашнего русского общества на проблему взаимоотношения с православными конфессиями и постепенного отхода от крайних позиций в оценке их «поврежденности» и определения места России в православном и – шире – христианском мире.

В первой главе описаны ситуации, сложившаяся в Восточной Европе в результате принятия Брестской унии и учреждения патриаршества в России, и события, связанные с книжной справой в России в первые годы после окончания Смуты. Основной идейной проблемой этого периода стала необходимость для русских церковных деятелей определить свое положение среди пра-

вославных и инославных конфессий и выработать свое отношение к активному проникновению в отечественную книжность зарубежных влияний. Основные споры тогда развернулись в связи с редактированием Требника 1602 г. Справщиками стали архим. Дионисий (Зобниковский), Арсений Глухой, свящ. Иоанн Наседка. Книжная справа вызвала к жизни острую богословскую полемику в связи с тем, что редакторы решили исключить из молитвы на освящение воды в праздник Богоявления прибавление «и огнем» («Сам и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом Твоим Святым и огнем») и соответственно погружение зажженных свечей в воду при освящении, поскольку считали это отголоском язычества. Находившийся в Москве грек Арсений Эласонский, архиеп. Сузdalский, подтвердил отсутствие этих слов в греческих богослужебных текстах, против изъятия слов «и огнем» выступил подьячий Антоний Подольский. Обсуждение слов «и огнем» превратилось в диспут о возможности явления Божества в видимой форме. 18 июля 1618 состоялся церковный Собор, который признал справедливой позицию Антония Подольского, Ивана Наседки, Арсения Глухого и прп. Дионисий были отлучены от священодействия и отправлены в ссылку. Однако прибывший в 1619 г. в Москву Иерусалимский Патриарх Феофан IV признал исключение слов «и огнем» согласным с греческой традицией, и на новом Соборе в том же году справщики были реабилитированы, а в ссылку на сей раз отправился Антоний Подольский. Уже позднее, в 1625 г., по прошению патриарха Филарета состоялось определение собора восточных патриархов по этому поводу, и Филаретом было дано указание исключить прибавление «и огнем» из чинопоследования. Однако сопротивление этой новации прослеживается вплоть до середины века, окончательно погружение свечей при освящении воды на праздник Богоявления было отменено патриархом Никоном. Таким образом, в истории с редактированием Требника впервые в XVII в. отчетливо, хотя слабо и непоследовательно, обозначилась тенденция ориентации отечественной книжной справы на греческую традицию.

Вторая глава посвящена собору 1620 г., который определил отношение русской церкви к западному христианству. В центре внимания собора оказался вопрос о перекрещивании католиков и протестантов. Проблема состояла в том, что часть духовенства (местоблюститель престола митрополит Иона) допускала принятие в православие представителей других христианских конфессий через обряд миропомазания. Но собор 1620 г. утвердил порядок, при котором только перекрещивание (с полным погружением в воду) означало принятие в православие католиков, протестантов и униатов. На соборе было вынесено проклятие Брестской унии. По сути дела весь западный христианский мир был признан русскими еретическим. В такой направленности решений собора определенно сказалась позиция патриарха Филарета, который уделял огромное внимание богословской проблематике и проявил себя как эрудит и книжник. Взгляды Фи-

ларета на западное христианство заложили фундамент политики русской церкви в отношении зарубежных церквей на долгие годы. Поэтому представленный автором материал о постепенном отходе в дальнейшем от этой жесткой политики особенно важен для представления о реальной картине состояния и развития богословской мысли в России первой половины века.

Третья глава о датском посольстве 1621-1622 гг., в котором принимал участие Иван Наседка, и о составленном им в этой связи «Изложении на люторы» фиксирует то обстоятельство, что резкое конфессиональное размежевание России с Западом не означало политической изоляции. Более того, необходимость постоянного взаимодействия с зарубежными странами и опасность проникновения инославных влияний определяли попытки русских книжников осмыслить опыт других христианских конфессий. Для этой цели ими активно привлекались полемические антипротестантские сочинения украинских и белорусских авторов («Книга о образех», «Книжица в шести отделах»). Но «Изложение на люторы» пока еще оставалось в русле изоляционистской традиции, выступало своего рода продолжением собора 1620 г. и в значительной своей части опиралось на апробированные отечественные сочинения («Просветитель» Иосифа Волоцкого, «Ереси римские») и отражало представления публицистов Смутного времени о противостоянии православия западной конфессиональной экспансии, а также о богоизбранности русского народа как хранителя православия. Иван Наседка в своем сочинении, как считает автор, определенным образом просуммировал взгляды своих современников и в первую очередь патриарха Филарета о месте русской церкви. Теперь русское православие осмысливалось как гонимая еретиками, но торжествующая церковь.

Четвертая глава посвящена полемическому сборнику «Просветитель Литовский I», который принадлежит той же идейной традиции, что и «Изложение на люторы». Он также продолжил тенденцию освоения русскими книжниками материалов западнорусской литературы. Автором отмечено бытование двух полемических сборников с одинаковым самоназванием «ПЛ», поэтому ею на основании сличения списков предложено отличать «ПЛ-I» (Унд. 426) и «ПЛ-II» (Егор. 355). Любопытен сам факт такого наименования. Оно означало, что данный тип сочинений направлен к просвещению, укреплению в православной вере «литовцев», то есть жителей восточнославянских земель Речи Посполитой. Автором дан подробный разбор состава сборника и этапов его формирования.

Основные выводы этой главы. Сборник «ПЛ-I» был сформирован не позднее 1620-х гг., вероятно под прямым руководством патр. Филарета. Он был направлен на опровержение учений католичества, протестантизма и армянского монофизитства. По мере расширения и переработки текста в него вошли антимусульманская и антиуниатская полемика. Наполнение сборника шло за счет использования украинских сочинений. «Просветитель Литовский» был положен в основу печатного издания «Ки-

рилловой книги». Появление ПЛ, по предположению автора, было связано с тем, что патриарх видел одной из своих задач систематизацию догматического богословия.

В пятой главе подробно рассмотрена деятельность патр. Филарета по укреплению православия и ужесточению внутреннего порядка в церкви. Подробно описаны труды светского богослова Ивана Хворостинина, взгляды которого вызвали подозрения в еретичестве, а сам он в историографии назван едва ли не средневековым Чаадаевым. Отмечена деятельность русских книжников под водительством Филарета по ревизии сочинений украинских авторов. В 1626-1627 гг. состоялись прения по поводу сочинений Лаврентия Зизания «Катехизис» и Кирилла Транквиллиона Ставровецкого «Евангелие учительное». «Катехизис» после редактирования был издан Московским Печатным двором, но затем вновь подвергнут ревизии, и выпущенный тираж был уничтожен, автор вернулся на родину. Но сочинение не исчезло из оборота русской книжности, из нескольких сохранившихся отпечатков один хранил сам патриарх Филарет, а другой позднее оказался в распоряжении духовника царя Алексея Михайловича Стефана Вонифатьева. Так же было осуждено и уничтожено «Евангелие учительное», в свое время признанное неканоничным на Украине. Но и этот памятник реально оказался в активе русских полемистов. Да и сам факт прений свидетельствует об особом внимании русских книжников к литературе православной митрополии.

С формальной точки зрения прения 1626-1627 гг. знаменовали решительное осуждение богословской традиции киевской митрополии, так как ее признали поврежденной в результате принятия унии. Но движение украинских книг в Россию было беспрепятственным. Правда, книги, вышедшие после 1628 г., были малодоступны русскому читателю, они подвергались строгой цензуре, в основном переписывались более ранние сочинения. Не ослаб интерес к западнорусской литературе и у самого патриарха. Т.А. Опарина предполагает, что он ставил целью систематизацию догматического богословия, а потому интересовался всеми богословскими проблемами, в том числе даже мусульманской верой, изучал латинский язык. Активно участвуя в формировании внешней политики страны и опасаясь западных влияний, он выстраивал жесткую охранительную систему в конфессиональной области: стремился утвердить строгую веру, уничтожить радикальные движения внутри церкви, поставить барьер проникновению католичества и протестанства, не допустить вольного толкования богословских вопросов. При нем вынашивались проекты устройства школ, появился жанр проповеди и литература катехизисов. Восприятие западной культуры происходило через перевод сочинений украинско-белорусских авторов.

Т.А. Опарина видит в охранительной направленности деятельности Филарета аналогии с католической реформой на Западе. А также с реформационными движениями. Например, призыв к обновлению и улучшению церковной традиции. Однако идеа-

лом для него выступал XVI век. Охранительная программа Филарета по сути выражала идею национальной церкви, что на Западе происходило под лозунгами Реформации. В период его правления было пережито эсхатологическое содержание концепции «Москва – Третий Рим» (трактующее падение последнего мирового царства России в конце времен) и акцент перенесен на тезис «третий стоит», что означало торжество православия, окруженного враждебным иноверным миром. Представления о конфессиональной исключительности переросли при нем в представление о конфессиональном превосходстве России.

О том, что понятие «русские книжники» и «богословы» отнюдь не абстракция исследователей, убедительно свидетельствует шестая глава монографии, посвященная изучению состава и содержания библиотеки Симона Азарыина. Сама библиотека предстает в ряду известных науке книжных собраний патриарха Филарета, Авраамия Палицына, Иоасафа Сороцкого, Дионисия Зобниковского, Ивана Хворостинина и Ивана Наседки, часть из которых сохранилась и дошла до наших дней. Анализ библиотеки Симона Азарыина, проведенный подробно и скрупулезно, дает наглядное представление о взглядах, эрудиции, предпочтениях и проблемах, которыми жила интеллектуальная элита русского общества первой половины XVII в. Автором тонко замечено, что владелец книжного собрания, как правило, дублировал имевшееся у него печатное издание рукописью. Не говорит ли это о том, что его собрание использовалось гораздо более активно, чем это можно увидеть из рассмотренного материала? Ведь дублирование книги необходимо лишь тогда, когда подлинник или копия отдаются на время другим лицам. Т.А. Опарина утверждает, что интеллектуальная среда того времени была замкнута, и лишь сами книжники обменивались между собой своими сокровищами. Казалось бы об этом свидетельствуют нередкие пометы на полях, предостерегающие от чтения некоторых сочинений, противоречащих православной ортодоксии. Но эти же пометы могут говорить и в пользу того, что книги отдавались для чтения чаще, чем мы сейчас предполагаем. Масштаб распространения книжных знаний из библиотек, подобных собранию Азарыина, вероятно, может быть темой самостоятельного исследования.

В седьмой главе подробно описана деятельность справщиков Печатного двора в 1640-е годы. Среди них ведущее место заняли Михаил Рогов и Иван Наседка. Содержанием их работы стала актуализация текстов, созданных в период правления Филарета, и продолжение идейной традиции патриарха. Тогда в связи со сватовством сына датского короля к дочери царя возник вопрос о способе присоединения королевича к православию, так как предполагалось, что он останется жить в России. Царь и ряд деятелей из его окружения были готовы отказаться от требования перекрещивания жениха-лютеранина. При дворе сложилось две партии «за» во главе с боярином Ф.И. Шереметевым и «против» во главе с патриархом Иосифом этого брачного союза. В столице развернулась нешуточная борьба вокруг династического

и вероисповедного вопросов. По требованию московского духовенства в столице снесли две кирхи. Были устроены прения между русским духовенством и пастором королевича Матфеем Фильгабером. Из печати вышел сборник «Кириллова книга», в основу которой был положен «Просветитель Литовский I». Исследовательницей дан подробный разбор содержания этого важного издания и хода прений о вере. Позиция русских священников состояла в доказывании исключительности русского православия и нечестивости окружающего инославного мира. Освященный собор 1645 г. запретил прием датского королевича Вальдемара в православие без перекрецивания.

«Кириллова книга» оценивается исследовательницей как важная веха в оформлении русского богословия. Она представлена как свод идей, связанных с богоизбранничеством России в христианском мире, и стала служить фундаментальным пособием по догматике в части искажения веры иными христианскими конфессиями. Вместе с тем, «Кириллова книга» суммировала книжные знания киевской митрополии, распространенные в России, дала представление об иных христианских учениях, закрепила обращение к греческой богословской традиции.

Выход вслед за ней «Книги о вере», разбору которой посвящена восьмая глава, ознаменовал определенный идеиный поворот русских богословов от представлений об исключительности русского православия к убеждению в пользу того, чтобы Россия стала оплотом истинного православия и несла его другим православным церквам. Этот поворот был связан с восшествием на престол царя Алексея Михайловича, как поборника идеи православного единства и вселенского значения русского православия. Россия теперь выступала не в изоляции, а как покровитель других православных церквей и народов. В издании проведены новые для русской книжности идеи: о неповрежденности греческой веры.

«Книга о вере» активно привлекалась Стефаном Вонифатьевым для аргументации его позиции в известном споре о единогласии. Издание этой книги ознаменовало и поворот в отношении изданий других текстов украинско-белорусского и греческого происхождения (1648 г. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, 1649 г. «Собрания краткие науки об артикулях веры» («Катехизис») Петра Могилы). С приходом к власти патриарха Никона греческая традиция возобладала в реформировании обрядности.

В приложениях к монографии со свойственной специалистам новосибирской археографической школы тщательностью приведены выявленные автором новые источники по теме. Они существенно дополняют наши представления о богословской полемике первой половины XVII столетия. Их публикация, безусловно, имеет и самостоятельное значение, открывая новые возможности будущим исследователям темы.

Вместе с тем, на фоне этой колossalной источниковедческой работы несколько проигрывает событийный ряд исследования. Кроме переписывания, чтения, изданий и переизданий книг в

жизни образованного русского общества были, например, интенсивные личные контакты с представителями православных и инославных конфессий, поездки за рубеж и прием иностранцев в России. В монографии они представлены лишь отдельными эпизодами богословских прений. Содержание идейных споров автором представлено полнее, нежели их ход и сопутствующие им обстоятельства политической и социальной действительности. Использование богатого и интересного материала книги затруднено в силу обширности материала и его недостаточной структурированности внутри глав. Не лучшей традицией новосибирских изданий становится отсутствие необходимого справочного аппарата, как то: списка использованных источников и литературы, именного и предметного указателей.

Отмеченные недостатки не умаляют значения нового исследования. Процесс развития взглядов русских богословов под влиянием украинско-белорусской книжности в первой половине XVII века предстает в монографии как время напряженной идейной работы в области определения места и роли России в окружающем мире. Пожалуй, впервые в отечественной историографии эта картина представлена столь фундаментально и квалифицированно. Монография Т.А.Опариной, безусловно, является существенным вкладом в изучение духовной жизни и культуры России XVII столетия.

*

¹ Некоторое представление об историографии двух последних столетий дают библиографические списки, приведенные в приложении ко 2-му изданию Истории русской церкви митр. Макария. (См.: Найденова Л.П. Список источников и литературы, использованных высокопреосвященным Макарием в 12 томе «Истории Русской церкви». Печатные издания // Макарий, митр. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 548-553; Полознев Д.Ф., Шульгин В.С. Новая литература по истории Московского патриархата (1589-1700) // Там же. С. 554-570; Дмитриев М.В., Лукащева С.С., Яковенко С.Г. Новая литература по истории Киевской митрополии // Там же. С. 571-592).